

Премьерой «Евгения Онегина» в постановке Бархатова театр закрыл сезон. Об итогах года, а также о том, почему режиссер, отдавая предпочтение герою без внутреннего стержня, в жизни ценит самоорганизацию, Василий Бархатов рассказал корреспонденту «ВП».

Василий БАРХАТОВ:

Только правильность решений вызывает уважение

ПРОШЕЛ ГОД С ТЕХ ПОР, КАК МОЛОДОЙ
РЕЖИССЕР СТАЛ ХУДРУКОМ ОПЕРЫ
МИХАЙЛОВСКОГО ТЕАТРА

— Это ведь вам принадлежит идея — чтобы каждый год в репертуаре Михайловского театра появлялась новая версия «Евгения Онегина»?

— Не совсем каждый. Это было бы слишком лихо для театра, было бы пустым вбрасыванием художественных и финансовых сил. Это не закон — чтобы каждый год ставить нового «Евгения Онегина», хоть из пальца высасывай. Даже гениальные спектакли в репертуарном театре живут от силы лет десять, и это уже край. Обычно оперному спектаклю красная цена пять лет. Вот у меня и возникла такая идея: чтобы раз в два-три сезона «Евгений Онегин» обновлялся, не выходя из репертуара театра как название. Эта опера — must для любого театра. И поскольку драматургия Чайковского может читаться совершенно по-разному, всегда интересно видеть «Евгения Онегина» в прочтении разных режиссеров, художников, актеров.

Когда-то я должен был ставить «Евгения Онегина» в копродукции с Михайловским театром, но обстоятельства изменились, и спектакль три года назад вышел в Литовской национальной опере. Я не скрываю, что в основе обеих постановок лежит одна идея, что между ними много общего. Но если поставить их рядом, наверное, зритель найдет немало отличий.

Нынешний «Евгений Онегин» — усовершенствованная версия, другой детализации спектакль.

— А кто еще будет ставить эту оперу в Михайловском?

— Спектакль Жолдака, по всей видимости, куплен Оперой Бордо и уходит туда, но в Михайловский театр еще вернется. Потом, по нашим планам, «Евгения Онегина» поставит знаменитый европейский режиссер, имя которого пока в секрете.

— В последние сезоны «Евгений Онегин» весьма востребован не только на оперной сцене, но и на драматической. Можно вспомнить спектакли Херманиса, Туминаса, Кулябина. Ведь случайностей не бывает?

— Думаю, это определенное совпадение. По-моему, «Евгений Онегин» никогда не терял актуальности. Кажется, опера Чайковского каждый день где-нибудь да ставится.

Вообще так часто бывает, что все одновременно берется за одни и те же, порой даже редкие, названия. Вот, например, когда я догваривался о постановке «Хованщины» (которая нечасто исполняется за рубежом) в Швейцарии в 2015 году, я даже не догадывался, что в

ближайшие полтора-два сезона в мире появится как минимум еще пять версий «Хованщины». В Вене будет ставить Лев Додин, в Амстердаме — Кристофер Лой, в московском Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко — Александр Титель, а еще в Антверпене и Штутгарте. Если до этого появилось всего две-три более-менее заметные «Хованщины» за десятилетие (включая знаменитый спектакль Дмитрия Чернякова в Мюнхене), то тут за пару сезонов — в пяти крупных театрах. Вероятно, это можно объяснить ощущением черного времени, смуты одновременно сзастоем; когда все ждет, что к власти придет какой-нибудь Петр и все само развалится, и никто не берет на себя ответственность.

— Когда режиссер берется за такую суперпопулярную оперу, как «Евгений Онегин», сложно избежать вопроса «Что нового вы хотите сказать?»...

— Одни произведения близки нам (их герои почему-то нам созвучны, мы интуитивно их понимаем), другие — нет. Скажем, я пока не знаю, что со мной должно произойти, чтобы я поставил «Кармен». Тот самый случай, когда я не знаю, о чем это можно ставить и про кого это. С «Евгением Онегиным» иначе.

Для меня это до ужаса банальная человеческая история, распространенная настолько, что стала уже сакральной... как притча. Законы, в ней зашифрованные, известны всем, но никто не может их преодолеть. Например, все хотят, когда женятся, быть верными, любить друг друга, пока смерть не разлучит. Но получается это у единиц. Дурацкое правило не дает сбоев, за редким исключением.

На мой взгляд, в «Евгении Онегине» довольно явно показано, что мужчины в определенном возрасте, даже сильно влюбляясь, не решаются потерять то, чего у них еще не было. Их мучают сомнения: да, я люблю эту женщину, мне с ней хорошо как никогда, но вдруг это еще не «та самая», не избранная? Проходит время, и оказывается, что она все-таки была «той самой». Но женщина, которая пусть и трижды несчастна в браке с другим человеком, чисто психологически уже не способна потерять то, что у нее есть. В определенном возрасте женщина готова броситься в омут с головой, но не готов мужчина. Когда готов мужчина — не готова уже женщина. Эта банальная нестыковка проста и действенна, как дважды два четыре. И каждый раз это огромная трагедия для отдельно взятых людей.

— Постановки Михайловского театра последних сезонов качественно отличаются от того, что было раньше. Эти спектакли требуют иной собранности, иного уровня работы. Нужно время, чтобы войти в ритм. Перемены в театре не происходят в секунду.

ФОТО НАТАЛИИ ЧАЙКИ

— За год, что вы руководили оперой Михайловского театра, вы изменились как человек?

— Надеюсь, что нет.

— Со стороны вы всегда казались человеком мягким, неконфликтным. Неужели должность руководителя, требующая твердости и даже жесткости, вас не изменила?

— Худрук — тот, кто определяет художественную политику. При чем здесь жесткость? Я считаю, что моя задача — сделать жизнь этого театра интересной с точки зрения репертуарной политики. А не чтобы кого-то ругать за опоздание, отпускать или не отпускать в отпуск. Хотя я довольно часто встречался со всеми цехами и службами театра, рассказывал, как представляю себе четкую техническую работу, делился личным опытом. При этом я понимал, что не могу требовать от людей сразу многого. Нагрузки сегодняшнего театра для многих из них в новинку.

Мне кажется, каждый работник театра должен понимать свою меру ответственности и четко осознавать важность своего участия в общем деле, в

выпуске спектакля. Мой друг — известный хоккеист и чемпион мира — рассказывал: в Америке в НХЛ никто за тобой не следит и не ругает. Вот, допустим, автобус с командой останавливается, чтобы все сходили в туалет или купили поесть, и на это дается 5 минут. Если через 5 минут ты не сядешь в автобус, он просто уезжает и ты больше не являешься членом НХЛ. И мне кажется, это правильно, потому что воспитывает самоорганизацию.

— А изменились ли за этот год ваши отношения с деятелями музыкального театра, с тем же Гергиевым?

— Мой уход в Михайловский театр не испортил наши отношения. Более того, за это время я поставил в Мариинке «Отелло», и в следующем сезоне мы снова планируем сотрудничать. Валерий Абисалович — человек, которого я уважал и буду уважать до последнего. Он много сделал для меня: позвал в Мариинку, когда никто особо обо мне не знал. Без встречи с ним цепочка событий моей жизни сложилась бы совсем иначе.

— Когда о вас говорят или пишут, неизбежно возникает определение «молодой режиссер»...

— Да перестаньте, какая тут молодость, мне только что исполнился 31 год..

— Но молодыми режиссеры считаются до 35... Вопрос вот в чем. Профессия режиссера предполагает способность подчинять людей. Насколько вы, молодой режиссер, можете сократить дистанцию между вами и подчиненными? Те, кто состоят в команде спектакля, обращаются к вам как — исключительно по отчеству?

— Я на этом не настаиваю, поскольку в других странах не знают моего отчества и больше или меньше уважения от этого не становится. Отчество

— это не показатель, можно и по имени-отчеству к человеку обращаться, презирая его. Я не люблю панибратства, когда со скоростью света нарушают границы моего биополя, но с ровесниками в Михайловском театре я спокойно на «ты».

— И они с вами на «ты»?

— Что же, если мне 31 год, а выгляжу на 13 (смеется), то я буду всем доказывать: «Нет, называйте меня на «вы»? Только правильность моих решений будет вызывать уважение. Если же мои решения будут неправильными, то не важно, как ко мне будут обращаться — Василий Алексеевич или просто Вася, — это не спасет.

Беседовал Евгений АВРАМЕНКО

Полную версию интервью читайте на нашем сайте www.vppress.ru